

женщины, друга и дома – это уже не фикция, и это то, с чем ему удастся, наконец, примириться: «Настоящая смерть и настоящий пожар означают, что моя подложная действительность стала понемногу шелушиться, вот что я хотел сказать» [Элтанг 2011: 613]. Текст, который создает Костас, является еще одним главным героем «Других барабанов», он самостоятелен и органично вписывается в корпус романа. Этот текст – то, что связывает героя с жизнью и возвращает ему его настоящее: «...между мной и этим текстом натянулась жила, подобная той, которой создатель мира, если верить индейцам майду, привязал землю веревками к востоку и западу» [Элтанг 2011: 92].

Детективная и психологическая основы романа «Другие барабаны» проявляют его самобытную структуру: это роман о свободе – слова и человека, находящегося на границе своего прошлого и настоящего, на границе и за пределами своего творческого сознания, на границе реальности и своего истинного «я».

Литература

Гулин, И. Лена Элтанг. Другие барабаны / И. Гулин. – 2011. [Электронный ресурс]. URL: <http://os.colta.ru/literature/events/details/31845.html/> (дата обращения: 03.03.2019).

Кожанова, Д. Книга отражений: «Другие барабаны» Л. Элтанг через «Письмовник» М. Шишкина [Текст] / Д. Кожанова // Контрабанда. – 2013. – 15 марта. – С. 5.

Липовецкий, М. Три карты побега [Электронный ресурс]. URL: <http://os.colta.ru/literature/projects/13073/details/15612/> (дата обращения : 01.03.2019).

Элтанг, Л. Другие барабаны [Текст] / Л. Элтанг. – М. : Эксмо, 2011. – 640 с. – (Открытие. Современная российская литература).

Mozzherina M. S. Genre features of the novel “Other drums” by L. Eltang

The article discusses the main artistic features of the novel “Other Drums” by the contemporary writer L. Eltang. The dominant genre and style features are highlighted.

Keywords: Eltang, novel, detective story, narrative, diary.

В.Э. Биктимиров,

Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия,
научный руководитель О.Н. Турышева

Образ библиотеки в романе Й. Шимманга «Новый центр»

Аннотация: В статье рассматриваются особенности функционирования образа библиотеки в романе «Новый центр» современного немецкого писателя Йохена Шимманга. Анализ, сочетающий герменевтический и историко-культурологический подходы, позволяет сделать вывод о роли книги и, шире, литературы как в творчестве немецкого прозаика, так и в современной культуре.

Ключевые слова: Й. Шимманг, «Новый центр», образ библиотеки, библиофилический миф, литературная авторефлексия.

Образ библиотеки получил разные интерпретации в мировой культуре. В рамках историко-культурологического подхода библиотека рассматривается как вместилище «накопительной» и «функциональной» памяти. Немецкая исследовательница А. Ассман считает, что библиотека «является культурным институтом, где общество хранит реликты и следы прошлого после того, как они теряют живую связь со своими прежними контекстами. К числу таких предметов относятся книги, письма, рукописные свидетельства, а также картины, фотографии и другие медиальные носители информации» [Ассман 2014: 33]. Библиотека как хранилище информации, наряду с музеями и архивами, выполняет две важные функции: формирования и архивирования знания. В первом случае речь идет о строгом отборе и оценке; во втором о консервации и сохранении полученной информации (рукописи, реликвии, артефакты, картины, скульптуры).

По мысли испанской исследовательницы М.Т. Вилариньо Пикос, феномен библиотеки «ассоциируется с идеей плотной физической площади, почитаемого места, храма знаний, райского пространства, удаленного от реальной жизни, где мы можем обнаружить рассеянного читателя, потерянного в книгах»²⁰ [Vilariño Picos 2011]. Помимо этого, образ библиотеки тесно связан и с вопросом ценности литературы в общественном сознании, что в свою очередь привлекло к нему внимание писателей разных философско-эстетических воззрений и литературных направлений. Не стал исключением и роман «Новый центр» (“Neue Mitte”, 2011) немецкого писателя и переводчика Йохена Шимманга (Jochen Schimmang, 1948 - по н. вр.). В настоящей статье будут рассмотрены особенности функционирования образа библиотеки в контексте проблем, к которым обращается металитературная мысль немецкого романиста.

На сегодняшний момент в отечественном литературоведении существует не так много работ, посвященных творчеству Й. Шимманга. В центре внимания исследователей оказываются поэтика этого произведения, характеризующегося как альтернативно-исторический роман [Кучумова 2017], сотериология книги в интеллектуальном искусстве [Турышева 2018] и изучение семантического потенциала литературного мотива сожжения (уничтожения) книг [Турышева 2018]. Не убавляя научно-теоретическую значимость вышеупомянутых работ, важно отметить, что ученые лишь вскользь упоминают о металитературном аспекте романа, в то время как он требует пристального исследования. Вместе с тем, необходимость изучения данного феномена обусловлена непрерывной традицией осмысления в мировой словесности феномена книги, библиотеки и, шире, литературы, начиная с произведений эпохи Ренессанса («Трагическая история о Гамлете, принце датском» У. Шекспира, «Хитроумный идальго Дон Кихот Ламанчский» Мигеля де Сервантеса и др.) и до настоящего времени (например, У. Эко «Имя розы», Б. Шлинка «Чтец» и др.). С учетом поставленной в нашей статье цели проведенный в дальнейшем анализ позволит не только заполнить лакуны в изучении творческого наследия Й. Шимманга, но и определить место романа «Новый центр» в парадигме авторефлексивной литературы.

Действие в рассматриваемом нами произведении происходит в будущем. Автор изображает события, происходящие в послевоенном Берлине в 2029–2030 годах – период крушения тоталитарного режима хунты. Катастрофа, настигнувшая Германию, отчетливо напоминает картины послевоенной действительности после окончания Второй мировой войны. Немецкий писатель изображает разрушенные здания, «череду приземистых строений, в которых располагались когда-то ведомства и комиссариаты <...> две огромные кучи обломков, <...> горы мусора и проломы» [Шимманг 2013: 8]. После свержения Генерала, за портретным описанием²¹ которого угадываются черты центральной фигуры национал-социализма Адольфа Гитлера, власть в Германии захватывают англичане, а заброшенные территории начинают осваивать местные – люди самых разных творческих и интеллектуальных профессий: от профессоров университетов до обычных любителей словесности.

Под символическим названием «Новый центр» скрывается библиотека, которую создают главные герои романа – библиотекарь Зандер и его безымянный ученик. Примечательно, что герои шимманговского романа обустраивают библиотеку – «Новый центр» культурной памяти и сакрализации знания именно на обломках последнего оплота тоталитарной власти, бывшего дома лидера восстания, «средоточии зла» [Шимманг 2013: 58].

²⁰ «Libraries have been associated with the idea of a dense physical space, a venerated space, a temple of knowledge, a heavenly space removed from real life in which we can spot the distracted reader lost in books» [Vilariño Picos 2011: <https://docs.lib.purdue.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1912&context=clweb>].

²¹ «Фотография сильно потемнела и покособилась, но Генерал на ней был таким, каким его знал весь мир: в полупрофиль, коротко пострижен, ровный пробор, взгляд должен сочетать решимость и доброту» [Шимманг 2013: 8].

Зандер и его ученик тщательно отбирают материал для библиотеки, основу которой составляют не только реально существующие артефакты мировой словесности («Алиса в Стране Чудес» Л. Кэрролла, «Миссис Дэллоуэй» В. Вулф, «Собрание сочинений I и II» К. Брахарца, «Вот моя библиотека» В. Беньямина и др.), но и созданные авторским воображением художественные тексты («Заговор Сони» Г. Корфа, «Кафка как член семейства» Ф. Одрадека, «Дом на Эльбе» М. Мюленбека, «Цикл превосходных сонетов, обращенных к баронессе Бакур» П. Менара и др.). Й. Шимманг вводит читателя в игру с различными текстами художественной и философской направленности. Подобного рода литературная игра с явными и неявными цитатами, художественными текстами и знаками позволяет представить произведение как лоскутное полотно «из цитат, отсылок, отзвуков» [Барт, 1989: 418].

Реализация межтекстуального диалога отчетливо прослеживается в сценах изучения героями романа художественных произведений. Так, главный герой находит в пыльной коробке книгу «Кафка как член семейства» под авторством Ф. Одранека, чье имя восходит к кафкианскому прототипу – Одрадеку – таинственному существу из рассказа «Забота главы семейства». Немецкий прозаик, следуя идее Х.-Л. Борхеса о бесконечности книжного архива²², образует многоплановый лабиринт из громадного перечисления заглавий книг и различных персоналий, затягивая чтеца в бесконечный перечень наименований, моделируя тем самым новую художественную реальность, альтернативную существующей.

Новаторство Й. Шимманга в раскрытии образа библиотеки заключается в обозначении новой функции литературного хранилища – функции просвещения и гуманистического совершенствования общества через книжную культуру. Инициатором проекта выступает архивариус Зандер – «врач и гигиенист чтения»²³ [Ortega y Gasset 1961: 154], который оберегает общество «от идей, полученных по инерции»²⁴ [Там же]. Проект возведения библиотеки «Старые фонды» в полуразрушенном Берлине происходит в соответствии с содержанием библиофилического мифа (термин Е.Е. Приказчиковой) – мифа «о книге, играющей исключительную роль в нравственном становлении и образовании идеального человека» [Приказчикова 2010: 9]. Преобразовать действительность, изменить жизнь каждого человека, возродить нравственную природу человечества, повысить общий историко-культурный уровень – все это представляет собой составляющие того утопического проекта, который пытаются реализовать герои. Неслучайно библиотека становится для них «сердцем и памятью мира» [Шимманг 2013: 58].

Автор романа проводит аналогию хранилища книжной культуры с земным Эдемом, заимствуя данное утверждение у аргентинского писателя Х.-Л. Борхеса. Эта метафора звучит в слове повествователя, когда он рассказывает об открытии библиотеки: «Наконец, он (Зандер – В.Б.) сообщил о том, как создавалась наша библиотека, поблагодарил спонсоров и обоих своих сотрудников, то есть меня и Фродо, и заверил всех присутствующих, что они сейчас, в этот момент, находятся в раю, ведь, как известно, один известный писатель прошлого столетия представлял себе рай в виде библиотеки» [Шимманг 2013: 235–236]. Метафорическое отождествление библиотеки с Раем влечет за собой и тему возвращения нового типа человека – новых Адама и Евы, которые не допустят роковых ошибок прошлого, проложив дорогу к светлому будущему.

Безымянный герой – ученик Зандера – связывает со строительством библиотеки осуществление не только социальных идей, но и индивидуальных смыслов: он заводит друзей, получает работу и дом, даже обретает любовь. Как и для Зандера, его духовного «пастора», строительство библиотеки для героя – это проект, связанный с достижением духовной гармонии и благоденствия человечества: «Я ощущал себя членом избранного

²² «По сути дела, каждое новое поступление порождает проблему и может потребовать нового принципа систематизации. Но ведь в конечном счете библиотека бесконечна. Эту фразу я позаимствовал у Зандера, а он, мне кажется, у Борхеса» [Шимманг 2013: 55].

²³ «the doctor and the hygienist of reading» [Ortega y Gasset 1961: 154].

²⁴ «ideas received in inertia» [Ortega y Gasset 1961: 154].

круга, некоего авангарда, неважно куда стремящегося, у меня появлялось чувство, что, участвуя в создании библиотеки, я принимаю участие в создании чего-то неизмеримо большего – в прорыве, хотя не могу сказать, куда мы прорываемся» [Шимманг 2013: 57].

Однако возлагаемым на библиотеку ожиданиям не суждено сбыться: несогласные с введением нового порядка члены оппозиционного движения («серо-зеленые») во время торжественной церемонии открытия библиотеки совершают варварское нападение на архив, поджигая огнеметами каталогизированные издания, собранные инициаторами проекта. Мы считаем, что подобный сюжетный поворот связан с идеей кризиса литературоцентризма – вытеснения художественного слова из культурного пространства социума. «Падение статуса литературы», по словам М. Берга, «есть следствие истощения властного дискурса религии (Книги), что вызвало массовое ощущение завершенности времени и истории; и тут же проявилось себя в потере внутреннего смысла действительности, в ощущении фиктивности бытия» [Берг 2000: 228–229]. Предпринятая «серо-зелеными» попытка уничтожения библиотеки связана с их неприятием тех либеральных ценностей, которых придерживаются строители культурного центра. Мысль об уничтожении литературы связана с негативным отношением к книгам: «это может быть представление о том, что книга является источником зла и угрозы» [Турышева 2018: 141–142]. Согласно Й. Шиммангу, сторонники идеологии мифического Генерала руководствовались не только неприятием литературы («Книги они и вправду не любили, книги были им совершенно безразличны» [Шимманг 2013: 240]), но и куда более прозаичной причиной – «дом Генерала служит теперь другой цели, а это – святотатство» [Шимманг 2013: 240].

Роковой финал истории строительства библиотеки обусловлен не только противозаконными действиями нарушителей правопорядка, но и поступками самих ее творцов. Главного героя предают учитель, друг Фродо и возлюбленная. Каждый из них при этом следует собственным идеалам. Зандер скрывает от героя правду о любовной интриге Фродо и Элионор, т.к. строительству библиотеки не должны мешать личные чувства; Элионор вынуждена спасаться бегством из-за разработки своего оружия-истребления с антигуманным названием «Белый мир»; Фродо бросается на поиски возлюбленной, оставив былые устремления. Таким образом, утопическо-гуманистическому проекту не суждено сбыться. Вина за неосуществление поставленной цели – возведение культуромоделирующего института – возлагается как на противников, так и на идеологов проекта.

Итак, подводя итог вышесказанному, можно сделать следующие выводы. В романе Й. Шимманга «Новый центр» образ библиотеки и возлагаемая на этот институт миссия являются ярким примером реализации «библиотечного» стереотипа, согласно которому библиотека – это центр духовного просвещения, а литература – основание национального единства. Однако, выстраивая классическую мифологию книги, Шимманг вступает в полемику с ее содержанием: иллюзии, подпитанные библиофилским мифом, не воплотимы в реальности. Строители библиотеки утрачивают доверие как к жизнемоделирующей функции литературы, так и друг к другу. Разобщенность главных идеологов библиофилизма и варварские действия его яростных противников разрушают веру в традиционный гуманизирующий потенциал литературы. Именно такой итог предлагает Шимманг, наряду с другими образцами современной интеллектуальной литературы.

Литература

Ассман А. Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика / Пер. с нем. Б. Хлебникова. М. : Новое литературное обозрение, 2014. 328 с.

Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика: Пер. с фр. / Сост., общ. ред. и вступ. ст. Г.К. Косикова. М. : Прогресс, 1989. 616 с.

Берг М. Литературократия. Проблема присвоения и перераспределения власти в литературе. М. : Новое литературное обозрение, 2000. 352 с.

Кучумова Г.В. Немецкоязычный альтернативно-исторический роман 1980-2015: игровые стратегии автора // Уральский филологический вестник. Серия: Germanistische Studien: актуальные проблемы германистики. 2017. № 1. С. 5–13.

Приказчикова Е.Е. Культурные мифы и утопии в мемуарно-эпистолярной литературе русского Просвещения: автореферат диссертации ... доктора филологических наук: 10.01.01. Екатеринбург, 2010. 50 с.

Турьшьева О.Н. «Библиотекари»: миссия невыполнима? (Мифология книги в современном массовом и интеллектуальном искусстве) // Культ-товары: массовая литература современной России: между буквой и цифрой: сб. науч. ст. / под ред. М. А. Черняк. СПб. : Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена. 2018. С. 97–110.

Турьшьева О.Н. Сожжение книг: новая семантика старого мотива: (на материале романа В. Сорокина «Манарага») // Филологический класс. 2018. № 2 (52). С. 141–145.

Шимманг Й. Новый центр: Роман / Пер. с нем. И.С. Алексеевой. СПб. : Изд-во Ивана Лимбаха, 2013. 344 с.

Ortega y Gasset J. The Mission of the Librarian // Antioch Review vol. 21, no. 2, 1961. P. 133–154.

Vilariño Picos. T. The Library and the Librarians a Theme in Literature // CLCWeb: Comparative Literature and Culture. 2011. №13 (5): [статья]. URL: <https://docs.lib.purdue.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1912&context=clcweb> (дата обращения: 05.04.2019).

Shimmang J. Neue Mitte. Roman. Hamburg: Edition Nautilus, 2011. 320 S.

Biktimirov V.E. The Libraries image in novel “Neue Mitte” by J. Schimmang

The article deals with the features of the functioning of the library image in the novel “Neue Mitte” of the modern German writer Jochen Schimmang. Analysis combining hermeneutic and historical-cultural approaches allows to make a conclusion about the role of the book and, more broadly, literature both in the works of the German prose writer and in modern culture.

Keywords: J. Schimmang, “Neue Mitte”, image of a library, bibliophilic myth, literary autoreflexion.

Д.В. Шлыкова,
Челябинский государственный университет,
Челябинск, Россия,
научный руководитель А.С. Полушкин

Сказка о Пинокио на новый лад. Особенности двоемирия в детском романе Джона Бойна «Ной Морсвод убежал»

Аннотация: В статье конкретизируется понятие художественного двоемирия, а также его воплощение в романе современного ирландского писателя Джона Бойна «Ной Морсвод убежал». Особенности двоемирия в этом тексте рассматриваются в контексте традиции английской литературной сказки, для которой данная категория является имманентной. Анализируется реализация двоемирия через композиционную и пространственную структуру романа, интертекстуальные связи со сказкой Карло Коллоди «Приключения Пинокио. История деревянной куклы».

Ключевые слова: двоемирие, волшебная сказка, сказочный мир, реальный мир.

Разграничение сказки и вымысла, волшебного и реального, рационального и иррационального казалось бы так же однозначно, как разница между белым и черным. В «детском» романе Джона Бойна «Ной Морсвод убежал» эта антитеза имеет не столь категоричный характер. В чем причина этого и каковы особенности двоемирия в романе Джона Бойна? – вот основные вопросы, требующие нашего внимания по ходу дальнейших рассуждений.

«Ной Морсвод убежал» – самый «сказочный» из детских романов Джона Бойна. В нем писатель актуализирует традиции английской сказки, которые отражаются, в основном, в системе образов: